

АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ: «ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ПРАВО НА ОШИБКУ»

Шесть лет назад среди множества репортажей о чеченской войне по телевидению прошел сюжет о том, как оставленный медперсоналом интернат для душевнобольных на чечено-ингушской границе жил самостоятельной жизнью. «Бедные умом» пациенты, которые должны были бы находиться под постоянным присмотром врачей, сами сумели наладить для себя вполне разумную жизнь среди хаоса, который творился вокруг. В этой трагикомичной ситуации, отражающей парадоксальность нашего времени, Андрей Кончаловский увидел сюжет своей будущей картины. Корреспондент «СКН» побывал на съемочной площадке и окупился в атмосферу «Дома дураков» — так, видимо, будет называться картина Кончаловского.

— Сценарий был написан мною в 1995 г., — рассказывает Андрей Сергеевич. — Что тогда, по большому счету, взволновало? Если раньше в нашей стране человек всеми силами стремился вырваться из дома на свободу, то теперь настали времена, когда люди хотят спрятаться в стенах психушки, как в самом безопасном месте. И у меня возник вопрос: где же творится настоящее безумие — в стенах психинтерната или за его пределами, и кого в наши дни нужно считать ненормальным?

Юлия
Высоцкая

— Правда ли, что вы хотели назвать картину «Полет над гнездом кукушки. XXI век»?

— Дрaму Милоша Формана с моим фильмом роднит лишь место действия — психиатрический интернат. Но новое время расставило по иному акценты, перевернув конфликт «с ног на голову».

— В ленте прозвучит слово «Чечня»?

— Нет, мне не хочется привязываться к чеченской войне. Подобная история могла случиться и в Косово, и в Руанде, и в Нагорном Карабахе — везде, где идут боевые действия. Я ведь снимаю о том, как действует человек в нестандартной ситуации. Случается, что бедные умом люди могут быть очень богаты сердцем. Это заметил еще Фазиль Искандер. Я в свое время заслал на место действий съемочную группу, которая сняла на видео реальных людей в этом интернате. Поражало, что те, кто считаются нормальными и не находятся ни в каких заведениях, очень часто не способны организовать себе нормальную жизнь, а эти люди смогли. Психиатрическая клиника в районе боевых действий оказалась абсолютно универсальной темой для фильма.

— Есть ли у ваших героев реальные прототипы?

— В центре фильма находится девушка Жанна. Это — реальный характер. Я знаю эту Жанну. Она мне звонила лет пять и всегда молчала в трубку. Когда человек звонит и молчит в трубку в три часа утра, бывает очень тяжело наладить диалог... Но потом она начала постепенно рассказывать про свою жизнь. Мы стали разговаривать. Оказалось, что это замечательная и интересная женщина, хотя мы с ней так никогда и не встретились... Теперь я нашел, наконец, применение этому характеру в кино, пытаюсь увидеть мир глазами этой молодой женщины, в общем-то, ребенка. В чем же она, в нашем представлении, ненормальна? Жанна считает себя «христовой невестой», но сублимирует не на Христе, а на рок-звезде эстрады. На эту роль мы пригласили Брайана Адамса. Его герой — человек, которого наша Жанна ждет и который, между прочим, ждет ее. Собственно, это и дает ей энергию жизни. Брайан Адамс является в фильме своеобразным ангелом-хранителем героини.

— Почему именно Адамс?

— Мой выбор вначале пал на Хулио Иглесиаса. Он сказал нам «да», но затем не смог приехать, так как начал записывать диск. Затем «да» мне сказал Стив. Но узнав, что придется играть самого себя, отказался. Он мне долго доказывал, что самого себя не может играть, хотя на любую другую роль согласен. Я же его уговаривал: «Балда, ты должен играть себя, ты должен играть икону». Но он отказался. Тогда и возник Адамс, причем, к нашему удивлению, принял предложенные ему финансовые условия, не торгуясь.

— Как вам удалось добиться разрешения снимать в психоневрологическом диспансере?

— Это огромная удача и огромное облегчение — снимать в реальной обстановке. Видимо, дирекция поняла главную мысль картины и дала нам возможность не просто снимать в этих стенах фильм, но и пригласить на съемки девять дееспособных пациентов. Этот интернат — не

Андрей
Кончаловский

клиника, где люди проходят лечение, а дом, где они живут постоянно. Мы работаем вместе с оператором Сергеем Козловым, которого вы хорошо знаете по фильмам «Одиссея», «Лимита», «Мама», «Подмосковные вечера».

— Я читала ваши книги «Низкие истины» и «Возвышающий обман». Приятно узнать в исполнительнице главной роли актрису Юлию Высоцкую, которая стала с некоторых пор вашей женой. Вы вообще из многих ситуаций в жизнь выходите победителем...

— Действительно, актриса, которая играет главную роль, по случайному совпадению — моя жена. Я понял, как ей будет сложно не вывалиться из общей массы, слиться с этим кругом больных людей. Играть бедных умом очень сложно. Здесь своя особая органика существования. Поэтому до начала съемок Юля провела 2 месяца в интернате. Больные называют её Жанной, как её героиню, приехали к ней.

— А вы не боитесь нанести этим людям моральную травму? Сейчас они — в центре внимания, под прицелом кино-фото- и телекамер. А что с ними будет, когда вы уедете и все их забудут?

— Я продумал этот момент. Конечно, они к нам привязались. Уезжать мы будем не сразу. Я собрался снимать здесь еще один, теперь уже документальный фильм. Уходить будем постепенно...

— Претерпела ли какие-нибудь изменения сама идея фильма в процессе съемок?

— Вы знаете, когда я писал сценарий, то, конечно, не мог знать все то, что знаю

об этих людях сейчас. Я понимаю сегодня, что писал какую-то фантазию. Впрочем, и сегодня я в поиске. И не знаю, что получится в итоге. Совсем не знаю. Я понимаю только, что мне потом не должно быть стыдно за мою работу и никому не должно быть обидно. В процессе съемок я понял, что всех своих героев очень люблю — и русских, и чеченцев, и евреев, и армян, и татар. А сформулировал бы главную идею теперь так: у каждого человека есть право на ошибку. И человек очень часто за эти ошибки платит. И плохие люди могут делать хорошие дела, а хорошие люди — могут совершать плохие поступки. И мир не делится на хороших и плохих. Поэтому Достоевский и говорил, что сердце человека — это поле битвы между добром и злом.

— События в Нью-Йорке как-то отразились на вашем фильме?

— Как ни странно, главная мысль, которая у меня появилась после этой катастрофы, — необходимость понять всех, кто принимает участие в любой драме. И в том безумии, которое происходило в Нью-Йорке. Я думаю все чаще о том, что несчастный человек имеет право быть злым. Таким людям надо как-то помогать или хотя бы попытаться понять, что ими движет.

Я подметил одну очень тревожную тенденцию. Я чувствую, как в России и в мире начинается процесс отторжения целых наций от цивилизации. Человек, который носит тюрбан, бороду или имеет черные глаза, начинает восприниматься миром как враг. Это очень большая опасность: опасность не XX, а уже XXI века. Потому что из всех арабов только малая часть — террористы, так же, как и из всех ирландцев, армян или басков. Но есть опасность, что из-за этого может произойти неприятие це-

Герои фильма

лой культуры, той или иной расы или нации. И это — самое главное, чего человечество сейчас должно избежать. Мне хотелось, чтобы фильм заставил задуматься зрителей над тем, что не стоит судить окружающих людей слишком быстро.

— Когда картина выйдет на экраны?

— Надеюсь закончить ее весной. Думаю, что успеем к Каннскому фестивалю.